Иван да Марья

Автор:
Маша Трауб

Иван да Марья

Маша Трауб

«Катя держалась за работу руками и ногами, понимая, что тянуть их обоих придется до последнего. Ей нужна была работа, чтобы куда-то уходить, хотя бы шесть часов не думать о том, что ее ждет дома. Сын опять станет сидеть перед компьютером с остекленевшим взглядом. Мать позвонит, и Катя по первым словам будет пытаться понять, в каком она состоянии. Просвет или опять все плохо? Сын бабушку ненавидел и считал ее сумасшедшей старухой. Впрочем, мать он тоже ненавидел, потому что она ему ничего не дала в жизни – ни квартиры, ни денег, ни машины. Он считал, что Катя ему должна. Когда она к нему подходила и спрашивала, как дела, сын надевал наушники и погружался в свой виртуальный мир…»

Маша Трауб

Иван да Марья

© Трауб М., 2015

© ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

– Катюш, ты к папе съезди, узнай, как он там…

– Хорошо, мама, съезжу.

– Подарочек ему собери какой-нибудь.

– Да, мама, не волнуйся.

Катя сидела у кровати матери, и ее трясло от бессилия, злобы и такой всепоглощающей ненависти, что ни о чем другом она даже думать не могла.

Мать умирала. Это началось лет восемь назад. Катя работала в городе, мать жила в деревне.

– Катюш, надо бы плиту по весне поменять, – позвонила ей однажды мать.

– Мам, мы же только новую поставили, два месяца назад, – удивилась Катя.

– А ты еще обещала мне стиралку на Восьмое марта подарить, – тоном капризного ребенка сказала мать.

– Так я и подарила, – еще больше удивилась Катя.

– Мне тяжело руками стирать, а старая машинка совсем не крутит, – продолжала мать, как будто не слышала.

– Мам, у тебя в ванной стоит новая машина. И плита тоже новая. Мы ее вместе выбирали. Забыла?

– Ничего я не забыла, – ответила мать обиженно. – А вот ты про меня совсем не помнишь. Живи, мать, как хочешь. А если плита взорвется? Ей же столько лет, сколько тебе! И руки у меня уже совсем не держат – выкрутить пододеяльник не могу! А тебе все равно!

– Хорошо, мам, приеду, все поменяю, – сказала Катя, чтобы прекратить этот бессмысленный разговор.

Оказалось, что у матери Альцгеймер, она знала о диагнозе, но скрывала его от Кати.

Началось с плиты и стиральной машинки, которые в памяти матери остались старыми и нуждались в замене. Потом стало хуже.

– Ты почему столько времени не звонишь? – закричала мать, позвонив. Катя поговорила с ней накануне.

– Мамуль, мы же вчера с тобой разговаривали…

– Я тебе уже три часа дозваниваюсь! Ты же знаешь, что я на этом новом телефоне цифр совсем не вижу. Три часа звоню и попадаю не туда. А если со мной что-то случится? Как я тебе позвоню? И кстати, почему ты не подходишь к домашнему телефону?

– Мам, я же тебе сто раз говорила – звони мне на мобильный. Я всегда с ним. Домой я только к вечеру добираюсь.

– А как звонить на твой мобильный? А сколько мне это будет стоить? Квитанция придет? Я же до сберкассы не дойду!

– Мам, у тебя там над телефоном записочка висит с цифрами. Я тебе в прошлый раз написала все. Ничего сложного.

– Мне привычнее звонить тебе на домашний. Его я помню.

– Хорошо, только не нервничай.

Катя разрывалась между работой и заботами о матери. Она платила соседке, чтобы та следила за ней, мыла полы в доме, приносила еду. Женщина оказалась хорошей, внимательной, но мать была недовольна. Каждые выходные Катя рвалась в деревню. Недалеко вроде бы, но за субботу и воскресенье она выматывалась так, что работа в офисе ей казалась отдыхом. Катя приезжала в деревню и начинала уборку – мать жаловалась на пыль, грязные окна, пол в пятнах. Была недовольна сиделкой – та неряха, все вечно переставляет с места на место – ничего найти нельзя. И гладит плохо, с одной стороны,

абы как. И полы моет шваброй, а не руками. И готовит плохо – суп и то нормальный сварить не может.

– Мам, у тебя же диета. Тебе нельзя жирное, жареное, – убеждала ее Катя.

– Это ты специально выдумала, чтобы мяса мне не покупать, – стояла на своем мать.

Когда Кате на работе предложили командировку на две недели, она легко согласилась – хотела уехать, чтобы под любым предлогом не звонить матери, отодвинуть от себя ее болезнь.

– Мам, мне нужно уехать. Я не приеду в выходные.

– Ну и не надо. Ты и так тут целыми днями толчешься, – ответила мать. – У тебя хоть работа-то есть? Чего ты дома сидишь? Надо работать. Я в твои годы…

Катя уехала. Но сердце было неспокойно. Она так и не смогла расслабиться, отключиться и хоть на время забыть о том, что ее ждет дальше. Вернувшись, прямо из аэропорта она отправилась к матери.

– Ты чего? – та встретила ее на пороге, как будто ждала. – Что-то случилось?

– Нет, мам, просто приехала тебя навестить.

– Так вчера же только была!

– Мам, меня не было две недели. Я только вернулась из командировки.

– Не морочь мне голову! Какая командировка? Ты же даже не работаешь! Мою пенсию уже потратила! Сама заработать не можешь и меня обираешь!

Кате исполнилось пятьдесят. Теперь она осталась одна – не нужная ни матери, ни единственному сыну, который жил своей жизнью. Сыну от нее нужны были только деньги. Матери вообще непонятно, что было нужно.

Катя держалась за работу руками и ногами, понимая, что тянуть их обоих придется до последнего. Ей нужна была работа, чтобы куда-то уходить, хотя бы шесть часов не думать о том, что ее ждет дома. Сын опять станет сидеть перед компьютером с остекленевшим взглядом. Мать позвонит, и Катя по первым словам будет пытаться понять, в каком она состоянии. Просвет или опять все плохо? Сын бабушку ненавидел и считал ее сумасшедшей старухой. Впрочем, мать он тоже ненавидел, потому что она ему ничего не дала в жизни – ни квартиры, ни денег, ни машины. Он считал, что Катя ему должна. Когда она к нему подходила и спрашивала, как дела, сын надевал наушники и погружался в свой виртуальный мир.

Катя с этим смирилась. Давно.

Как-то она приехала к матери, та вроде была «в себе».

– Катюш, у тебя ребенок-то есть? – вдруг ласково, жалостливо спросила мать.

– Есть, сын, твой внук, – ответила Катя.

– А откуда ребеночек? Ты же замужем не была, – удивилась мать.

Катя действительно родила сына для себя, без мужа. Но мать сделала свой вывод – раз дочь не была замужем, значит, у нее нет ребенка, значит, и внука нет.

На выходные Катя уговорила сына приехать в деревню:

– Бабушка болеет, надо ее навестить. Я тебя очень прошу.

– Она же все равно ничего не помнит. Зачем? – спросил он, не отрывая взгляда от мерцающего монитора.

– Затем! – крикнула Катя.

Сын приехал в субботу, а Катя вырвалась в деревню в воскресенье. Мать придвинула тумбочку к двери своей комнаты, забаррикадировалась и не открывала.

– Мам, открой, это я! – закричала Катя.

– Кто это? – отозвалась из-за двери мать. – Не открою!

– Что с ней? – спросила у сына Катя.

– Чокнулась, – равнодушно пожал плечами сын. – Еще вчера закрылась и не открывает.

– Мам, мама, открой! – Катя скребла дверь.

Наконец мать приоткрыла дверь на узкую щелку. Из комнаты пахну?ло мочой.

– Мам, ну ты чего? – ахнула Катя.

– Быстро заходи. – Мать дернула ее за руку, втащила в комнату и опять пододвинула тумбочку. Откуда только силы взялись?

– Что ты? Что случилось?

– Мужик в дом залез. Ходит со вчерашнего вечера. Как хозяин. Убить меня пришел.

– Мам, это не вор, это твой внук. Приехал тебя проведать.

– Какой внук? У меня нет внука. Откуда? Ты еще и замуж не вышла.

Катя села на кровать, не зная, что делать дальше. Мать согласилась выйти из комнаты только после того, как внук громко прокричал, что он уходит и больше не вернется – это было чистой правдой.

Потом мать перестала узнавать даже Катю.

– Ты кто? – спрашивала она.

– Катя, твоя дочь, – терпеливо отвечала Катерина.

– А где Настя?

– Скоро придет.

Настя была той самой сиделкой, которая приглядывала за матерью в течение недели.

– Ты не так все делаешь, позови Настю, она знает, – говорила мать, когда Катя перестилала постель, мыла ее в ванной или кормила из ложечки супом. – Настя мне больше нравится, а ты совсем безрукая.

Катя уже даже не плакала. Просто кивала и звала Настю, суя ей в карман деньги за неделю и за срочный вызов в выходной день.

Нет, это еще был не конец. Еще через год мать вдруг стала узнавать Катю, ждала ее, требовала приехать только ради того, чтобы задать один вопрос: «Как там Ванечка?»

– Ты к нему ездила? Съезди. Как он? – спрашивала мать Катю, когда та, измотанная, выпотрошенная, приезжала с сумками в деревню.

– Все хорошо, – отвечала Катя.

– А ты ему подарочек отвезла? Одеколон ему купила? Он любит одеколон. Не болеет он?

– Не болеет. Все нормально, – отвечала Катя и задыхалась от злости.

Ванечка, Иван Петрович, был Катиным отцом, мужем матери. Бывшим. Давно бывшим. И только он остался в ее памяти, в которой стерлись дочь, внук и даже любимая Настя. Только о нем она беспокоилась, спрашивала и переживала. Больше никто для нее не существовал – только ее Ванечка. Для нее он был самым ценным, самым главным. Ее прошлым и настоящим.

Катя простить этого матери не могла. Все простила, все забыла, но в свои уже немолодые годы она становилась маленькой девочкой, которая все помнила так же остро, как и много лет назад. Ничего не прошло. Время не вылечило.

Иван Петрович Козлов – мужчина с безупречными именем и фамилией, репутацией, биографией и рабоче-крестьянской родословной – родился под Ленинградом. Окончил инженерно-строительный техникум, поступил в институт, откуда и ушел в армию, на войну. Судьба его берегла. Он не умер, не был ранен, не попал в плен. Конец войны он встретил практически здоровым молодым мужчиной, лишь отлежался в госпитале после контузии, не такой уж и тяжелой, как он это преподносил.

Куда тяжелее была любовь к Ивану его лечащего врача – Клавдии Степановны, которая не хотела с ним расставаться и не выпускала из госпиталя.
Эта женщина полюбила своего пациента, этого молодого, сильного, статного мужчину, как может полюбить женщина, лишенная всего – быта, дома, семьи, мужа, – и спасла его от гибели. Держала в госпитале до последнего, до Победы, назначая лечение и обследования. Она не хотела его терять. Не могла выписать и отправить на фронт, поэтому подделала документы и карту, приписала тяжелую контузию. Защитила. Думала, что бережет для себя.

Он не был ей благодарен и совершенно не собирался жить с ней после Победы. Новую жизнь он представлял себе с кем угодно, но только не с докторшей.
Он спал с ней, назад на войну не рвался. Считал, что все так, как должно быть, все честно – он получает уход, заботу медсестричек, а платит за это тем, что может дать мужчина женщине. Иван не любил ее, не жалел, не был признателен. Он ею пользовался, считая, что она пользуется им.

Он расстался с Клавдией Степановной легко и радостно, под звук праздничного салюта, стук граненых стаканов, наполненных медицинским спиртом, разбавленным водой. Он получил от нее все, что хотел. Начиналась новая жизнь, и в новой жизни врачица с отекшими ногами и мешками под глазами была ему не нужна.

Из госпиталя Иван вышел героем, победителем. Медсестрички, две из которых были его любовницами, плакали навзрыд и подарили букеты полевых цветов.
Он был удивительно хорош в военной форме, любовно отутюженной, в начищенных до блеска сапогах, с медалями на груди, которые дались ему легко. Так же легко, как любовь женщин. Он уходил из госпиталя радостно,

спокойно зачеркнув прошлое. Пока он махал безутешным медсестричкам, Клавдия Степановна выпила полстакана спирта, в котором тщательно размешала горсть таблеток. Ее не успели откачать. Иван так об этом и не узнал.

Учитывая безупречную репутацию, биографию и происхождение, Иван Петрович Козлов был направлен на ответственную работу – занял пост коменданта в маленьком городке под Кенигсбергом, который вскоре переименовали в Калининград. Ему выделили дом, двор и дали в руки власть. Для полного счастья и окончательно безупречной биографии не хватало только жены, которая, впрочем, нашлась очень быстро.

Катина мать приехала в этот городок по зову сердца и Сталина – преподавать в советской школе. Она была правильная, идейная комсомолка, будущий член партии, учительница, круглая сирота. Идеальный вариант.

Ивану, который еще в госпитале понял, что женщины его любят только за то, что он мужчина, ничего не стоило очаровать молодую учительницу Машеньку Сидорову, умницу, но далеко не красавицу, что ему было и не нужно. Иван давно понял – чем более непривлекательной ощущает себя женщина, тем в большей степени она становится ему благодарной. Он тщательно проверил будущую жену на предмет родственных связей, происхождения и остался доволен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/masha-traub/ivan-da-mar-ya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить